

Книжечное обозрение. - 1990. - Выпуск (№23). - с. 7

Александр
ЛАЦИС

КАПРИЗЫ ПУШКИНОВЕДЧЕСКОЙ ПОГОДЫ

В 1987 году, представляя в «Неделе» давнюю пушкиноведческую статью поэта Владислава Ходасевича, положительно о ней отзывался, ну, скажем, так — «публикатор-1987».

В 1988 году «Литературная Россия» обнародовала другие фрагменты «увлекательных изысканий» пушкиниста Вл. Ходасевича. Подготовитель — тот же, назовем его соответственно «публикатор-1988».

В 1989 году в журнале «Литература в школе» еще более определенно восхвалял Вл. Ходасевича тот же самый публикатор.

«Несомненно, что современная наука о Пушкине немыслима без этого имени».

Пушкиниана Ходасевича — это одновременно и оригинальная проза поэта. Поэта, чье мироощущение в некоторых своих произведениях кажется удивительно сходным с настроениями и взглядами Пушкина.

Прошел всего лишь год. И куда девались продуманность и убедительность оценок публикатора? Их сменила другая манера, витиеватая, высокопарная, даже напыщенная. Заодно изменилась позиция насчет «мироощущения» и «взглядов».

В «Литературной России» (1990, № 6) вниманию читателей на сей раз представлена перепечатка давней брошюры митрополита зарубежной церкви Антония. «Пушкин как нравственная личность

и православный христианин». Послушаем отзывы публикатора-1990 по поводу рассуждений его высокопреосвященства.

«Отечественное пушкиноведение только начинает — медленно и болезненно — преодолевать те идейные недуги, которые вызвали нынешний глубокий кризис науки о Пушкине. В основе этого кризиса давнее и упорно — невежественное стремление выхолостить подлинное духовное содержание поэзии и мысли поэта, игнорировать (а то и подменить чем-либо) его религиозное сознание».

Немало блистательных трудов, посвященных этой онтологической проблеме, было создано в русском зарубежье... но слову митрополита Антония, опубликованному в Белграде в 1929 году, принадлежит все же особая роль».

«Как и подобает относиться к сочинению лица духовного, он (проще было бы сказать «оно» — А. Л.) публикуется полностью, и без реального, «мирского» комментария».

Что нам предлагается преодолеть и отбросить? Заблуждения многих поколений пушкинистов, погрязших в пагубном атеизме. Но в таком случае одним из самых отвратительных нечестивцев должен быть назван трижды отхваленный Вл. Ходасевич.

Ведь как дело было? В четверг, 18 июля 1929-го, в Париже

держал речь высокопреосвященный Антоний. А в воскресенье, 21 июля, в газете «Возрождение» Вл. Ходасевич напечатал о сем происшествии иронический репортаж.

От которого Антона будет отсекаться публикатор-1991?

И какого Онуфрия он будет превозносить? Не по своей охоте, а по очередному вышестоящему капризу?

И когда же, наконец, прекратятся убогие попытки козырнуть Пушкиным в ходе различных поветрий и поворотов, проработок и кампаний?

Попросту не существует такого Пушкина, который каждый год приспосабливается к конъюнктуре, которому не то 72, не то 73 года. Ему всегда 37. Он не собирается покорствовать.

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывал бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса;
И я б заслуживался волн,
И я глядел бы, чистая полн,
В пустыя небеса.

Новомодные поклонники зарубежного митрополита на все на это, на пустыя небеса, — нам возражат: «Что ж вы цитируете, да еще в первоначальной расстановке, стихи 1833 года?

А через три года Пушкин преодолел духовный кризис и, в подражание Ефрему Сирину, сочинил стихи, проникнутые духом благочестия, как подобает истинному христианину».

Если следовать столь скоропалительной логике, то Пушкин, который напечатал девять стихотворных «Подражаний Корану», какое-то время был ренегатом, перебежчиком в мусульманство. А тот Пушкин, который написал «Подражания древним», и вовсе впал в язычество. Но поэт остается неподвластен ни старинным догматам, ни новейшим. Свободно и независимо Александр Пушкин позволяет себе вести речь

Насчет небесного царя,
И иногда насчет земного.

Остается сказать, что Вл. Ходасевич, конечно же, умеренно придал своей резкой отповеди нарочито спокойный, по внешности бесстрастный тон. Именно этим приемом искусно пользовался фельетонист «Феофилакт Косичкин», он же Александр Пушкин.

Митрополит Антоний, печатая отдельное издание публичной лекции, поневоле убрал из нее некоторые несомненные промахи, отмеченные Ходасевичем. Однако, как и подобает относиться к блистательной «своеобычной прозе», мы воспроизводим пушкиноведческий фельетон Вл. Ходасевича без сокращений.

СКВОЗЬ КРИСТАЛЛ ВРЕМЕНИ

Первый пушкиноведческий труд Б. С. Мейлаха от того, которым он завершил свой путь в науке, отделяет более полувека. Сегодня, пожалуй, не всякий и поверит, что та давняя работа («Пушкин и русский романтизм», 1937) — фундаментальная исследовательская книга — была написана аспирантом.

Свой последний труд ученый закончить не успел. Доводила его до печати одна из учениц, что весьма символично: именно своим ученикам посвятил книгу профессор Мейлах. И построена она в форме бесед с студенческой молодежью — жанр его творчества, прекрасно известный филологическим воспитанникам Бориса Соломоновича, к которым имел честь принадлежать и я.

Б.С.Мейлах

...сквозь
магический
кристалл...

Основа бесед — развитие пушкинской художественной системы во времени, как при жизни поэта, так и после его гибели. Полтора протекших после нее века подтвердили высказанную Белинским истину: в каждой эпохе творческий мир Пушкина будет жить по-разному, и ни одна не исчерпает его до конца. Вот о закономерностях этого явления и размышляет человек, до тонкостей знавший и историю каждой пушкинской строки, и литературно — общественную жизнь XIX и XX веков — ведь научные интересы Б. С. Мейлаха не исчерпались только пушкинистикой и литературоведением.

...Беседа следует за беседой. И Мейлах ведет нас по всем ступеням и векам изданий Пушкина, от одной пушкинской рукописи к другой. Тут сюжеты увлекательнейшие. Чего стоит очень даже актуальный доднесь рассказ о том, как официально-«патриотическая» критика учила Пушкина, о чем и что ему писать, какими высокими предметами обязан он восторгаться. Впрочем, не только официальная. И люди, во многом ему близкие, не раз упорно пытались свернуть поэта с его стези на свою собственную — нелегко давалось Пушкину «самостоянье». Не уходит ученый и от нелегкого разговора о расхожих околупушкинских легендах, отделяя истину от домысла, а случается, и от сплетни.

В книге, естественно, много имен. Современников Пушкина. Патриархов пушкинистики. Подвижников российской словесности. Человеку моего поколения приятно думать о том, что некоторых из них мы не только читали, но и знали лично. Для нас это — В. Я. Пропп и И. П. Еремич, П. Н. Берков и Г. П. Городецкий и, конечно, Б. С. Мейлах. Мы приходим в библиотеки — и они по-прежнему беседуют с нами...

А. ХОДОРОВ.

Б. С. Мейлах. «...Сквозь магический кристалл...» Пути в мир Пушкина. — М.: Высшая школа, 1990.

Митрополит Антоний о Пушкине

«Возрождение» № 1510,
21 июля 1929, стр. 2,
без рубрики

Довольно многочисленная аудитория собралась в четверг, 18 июля, послушать слово митрополита Антония о Пушкине, как учителя нравственности и патриоте.

Не гоняясь за суетным желанием блеснуть мелочной эрудицией, отличающей труды исследователей Пушкина, докладчик предпочел наблюдениям — утверждения, анализу — обобщения; доклад блистал более декларативностью, нежели обоснованностью. Владыка не только обошел молчанием все те жизненные и идейные противоречия, из которых складывается действительно высокий нравственно-творческий образ Пушкина, — но и мужественно отверг некоторые несомненные факты, вполне доказанные, но несоместимые с тезисами доклада. Так, например, было заявлено, что Пушкин никогда не писал «Гавриилиады», этого «бездарного» и «лишенного всякой красоты» произведения. (Заметим, однако: у Пушкина так много заимствований из «Гавриилиады», что если он сам ее не писал, то, значит, безжалостно обобрал ее автора).

Слово владыки было построено очень эскизно, с самыми неожиданными переходами, с обильными цитатами, порою стоящими, так сказать, под углом к тому, о чем только что шла речь. Это придало докладу крайне своеобразный характер.

По словам докладчика, Пушкин очень любил своих друзей, вместо того чтобы их презирать или им завидовать, как делают некоторые другие. Кроме того, он всегда раскаивался в своих дурных поступках. Вот, блаженный Августин тоже всю жизнь каялся, — но в чем? В том, что мальчишкой воровал яблоки. Да какой же мальчишка не воровал яблок? Особенно в Африке, где яблоки дешевы, как у нас — щавель-трава, буквально дешевле пареной репы. А вот что у него была любовница и от нее дети — это его мало беспокоило. Это потому, что блаженный Августин — порождение Запада и в сущности язычник. Пушкин нравственно гораздо выше. Он никогда никого не обидел и не обманул, а на все людские праздники писал каждый год стихи 31 октября и 19 декабря. Пушкин умел находить хорошее в худом — особенно чисто християнской души. В стихах он постоянно возвращался к мысли о

смерти. Но если так, то почему он прожил обычную светскую жизнь, почему от нее не отделился? Почему предавался печали? Потому что он любил жизнь и приветствовал нарождение новых поколений, спокойно, без проклятий, не так, как делают многие другие.

Он искал общества религиозного, более серьезного, более назидательного. В ответ на стихи Филарета Пушкин тоже написал известные стихи. Кроме того, он сочинял молитвы («Отцы-пустынники»). К религии он подходил со стороны нравственности, чем и отличался от нынешних учений, особенно парижских, которые, без раскаяния, в основу полагают одно только общение с Богом, что есть чистая хлыстовщина. А когда Достоевский читал стихотворение Пушкина «Пророк», то каждый раз вызывал бешеные рукоплескания, не умолкавшие в течение 10 минут.

Отношение критики к Пушкину было недостаточно глубоко. Белинский хвалил его за народность, но недостаточно обосновал свое мнение. Другой поклонник Пушкина, Писарев, ценил в нем только стилиста. Потом все восхваляли Пушкина, но старались замолчать его патриотизм. Кроме того, все считали Пушкина своим, потому что в Пушкине есть недоговоренность, неясность, так же, как в учении философа Канта. По скромности, Кант не считал себя нравоучителем — и потому все могли считать себя его последователями: и материалисты, и религиозные писатели. Пушкин очень любил Россию и Москву, которую воспел в «Евгении Онегине».

Прозы Пушкина у нас, по мнению докладчика, не ценят, потому что она проникнута патриотизмом, а критика оберегала общество от патриотизма. Даже в изданиях Пушкина чаще всего пропускают слова о том, что русский бунт бесмыслен и ужасен, хотя иногда и печатают. Но, осуждая в народе бунтарство, Пушкин находил в нем и высокие нравственные черты. Например, Савельич в «Капитанской дочке» — «настоящий подвижник». (От себя решимся заметить, что в самую ответственную минуту, когда надо было либо отвергнуть Емельку Пугачева, семья антихристово, либо ему поклониться, — Савельич советовал офи-

церу Гриневу: «Батюшка, Петр Андреич! Не упрямысь! что тебе стоит? плюнь, да поцелуй у злодея ручку». Черта не вполне подвижническая и, можно сказать, соблазнительная).

Затем докладчик ознакомил аудиторию с событием, о котором, как он заметил, старики, пожалуй, уже забыли, а молодежь и не слышала. Это речь писателя Достоевского на пушкинских торжествах 1880 года. Писатель Достоевский тогда обратил внимание на национальное значение Пушкина. До этого патриотизм был не в моде, считался дурным тоном, так же, как впоследствии черносотенство. А ведь черная сотня — это самое демократическое течение, потому что оно прямо связано с черным народом, с мужиком. Напрасно только Достоевский считал Пушкина первым народным писателем. Первым, по мнению митрополита Антония, был Жуковский. Докладчик сам слышал неоднократно, как стихи Жуковского распедали извозчики, попады и поповы. Сам Пушкин признал народность Жуковского в известном стихотворении: «Его стихов пленительная сладость». (Хотя в нем ничего не сказано о народности).

Зачем же, однако, Пушкин, с юношества бывший истинным христианином, пошел на дуэль? Зачем поддавался этому ужасному предрассудку, этому мерзкому обычаю, неизвестному в России и занесенному из европейского средневековья, совершенно языческого, не имевшего никакого понятия о христианстве? Докладчик объясняет это недостатком воспитания. Однако на смертном одре Пушкин раскаялся, исповедался и причастился. Кончина его была такой, о какой он мечтал всю жизнь, с лицейской поры, когда сам себе сочинил эпитафию, проникнутую христианским духом:

Здесь Пушкин погребен; он с музой
С любовью, ленью провел веселый век,
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей богу, добрый человек.

В заключение докладчиком было сообщено, что Пушкин всю жизнь мечтал умереть в монастыре.

Владислав ХОДАСЕВИЧ.